

Я иронизирую, значит, я существую

Интервью А.Г. Асмолова,

посвященное юбилею Петра Яковлевича Гальперина

Александр Григорьевич, Вы принадлежите к тому поколению психологов, которым посчастливилось много и близко общаться с нашими учителями: А.Н. Леонтьевым, П.Я. Гальпериним. В этом году мы празднуем 110-летие со дня рождения Петра Яковлевича. Как Вам кажется, какие главные заповеди оставил нам этот замечательный ученый? Чем он руководствовался в своей жизни и что стремился передать своим ученикам?

Когда думаешь о Петре Яковлевиче, вспоминаешь, что в его общении всегда доминировала потрясающая философская культура, понимаемая в широком смысле этого слова. При этом она не сводилась только к блестящему знанию философов, и особенно тех, кто повлиял на развитие нашей психологической науки. Философская культура проявлялась в осмыслении жизни. Если играть словами, вспоминая Декарта: «я мыслю, значит, я существую», то для Гальперина я бы нашел другую формулу. Петр Яковлевич мог бы сказать: «Я иронизирую, значит, я существую». Ирония как способ освещения и освоения нашей реальности, уникальный добрый юмор, иногда, правда, пересекающийся в ситуации раздражения с сатирой, были присущи стилю его общения. И при этом всегда, о чем бы ни говорил Петр Яковлевич, он уникально мог выходить за рамки ситуации, за рамки ограничений и барьеров. Поэтому оставленная им первая заповедь – ироническое доброе восприятие мира.

Вторая заповедь – искусство естествоиспытателя культуры, психики и природы, умеющего ставить самые

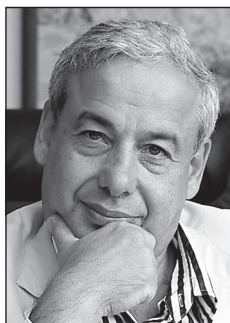
необычные вопросы. Вот так я воспринимаю заповеди Петра Яковлевича Гальперина.

Подобное ощущение рождалось у меня всякий раз во время многочисленных совместных прогулок. Мы с ним и его супругой Тамарой Израилевной гуляли в посёлке писателей на Красной Пахре. Это были «проселочные» беседы, как когда-то назвал их, говоря об общении с А.Н. Леонтьевым, П.Я. Гальпериним и Г.М. Андреевой, писатель Владимир Федорович Тендряков. Это действительно были беседы, которые формировали уникальное мировидение. К Петру Яковлевичу Гальперину полностью относятся слова, которые когда-то Гельмгольц сказал о своем учителе Иоганне Мюллере: «Кто раз пришел в соприкосновение с человеком первоклассным, у того духовный масштаб изменен навсегда, тот пережил самое интересное, что может дать жизнь».

Встреча с великим учителем полностью изменяет масштаб видения мира. Вот и встречи с Алексеем Николаевичем Леонтьевым, встречи с Петром Яковлевичем Гальпериним помогли увидеть мир в другой, необычной системе координат. Его понимание порождения психики в ситуации нео-

пределенности – это поразительное открытие. Мы должны выйти за рамки гомогенного, стационарного мира в мир изменчивый, чтобы возникла необходимость, необходимость в появлении психики как функционального органа развития жизни на Земле. Петр Яковлевич, продолжая диалоги, концепцию и стиль мышления Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, все время возвращался к вопросу о том, в чем заключается необходимость психики, в каких ситуациях она становится необходима. Таким образом, П.Я. Гальперин, развивал, как и А.Н. Леонтьев, телеологическое понимание мира. Вопрос, который относится к понятиям неклассической рациональности: «для чего, ради чего, в чем необходимость порождения феномена» – это уникальный гальперинский прием мышления. Этот прием мышления, приводящий к идеям эволюции в широком смысле слова и пониманию развития как восхождения к сложности, ассоциируется в моем сознании с «проселочными» беседами с Петром Яковлевичем.

И еще один момент: как и Александр Романович Лурия, Петр Яковлевич очень осторожно относился к проблематике мотивации личности. Не слу-

Асмолов Александр Григорьевич – доктор психологических наук, профессор, академик РАО, заведующий кафедрой психологии личности МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Федерального института развития образования, вице-президент Российского психологического общества

чайно в разных вариантах его видения поэтапного порождения умственных действий мотивация иногда фигурирует под рабочим названием «нулевого» этапа. Но для самого Гальперина мотивация никогда не была нулевым этапом. И когда он рассматривает личность как субъект ответственного поведения он, тем самым, «венчает» связь между психологией и этикой. И это невероятно важная вещь. Идеи Петра Яковлевича о связи психологии и этики проступали не столько в его статьях, сколько в его общении, в том числе общении в ходе его лекций.

Я приведу лишь один потрясающий пример, где различаются ситуативный и импульсивный уровни поведения и, как бы я сказал сегодня, неадаптивный, преадаптивный и надситуативный уровни проявления поведения личности. Это недооцененный пример с различением военного и гражданского героизма. Петр Яковлевич всегда задавал вопрос: «Чем военный героизм отличается от героизма гражданского?». Продолжим эту логику – чем военное мужество отличается от гражданского мужества? Петр Яковлевич говорил о том, что ситуация, в которой Александр Матросов бросается на амбразуру дзота – это великий подвиг. Есть подвиг Матросова, подвиг Гастелло и другие подвиги, перед которыми мы в буквальном смысле замираем из уважения к героям, которые ради других людей пошли на беспрецедентные поступки, рискуя собственной жизнью. Но этот подвиг отличается от гражданского героизма. Военный героизм – нормативно социально санкционирован, одобряем. Ты – герой, потому что ты отвечаешь социальным ожиданиям, и твой героизм вписывается в логику социальных ожиданий. И в этом смысле, как не парадоксально, он выступает как феномен, выражающий адаптацию вида. Совершенно другую природу имеет гражданский героизм. Позже, когда я через призму идей Петра Яковлевича, думал об истории нашей культуры, у меня всегда в сознании выступал образ Андрея Дмитриевича Сахарова. Когда мы говорим о таких личностях как Сахаров, то мы четко понимаем – перед нами иной героизм. Он проявляется в ситуации, когда тебя никто

не поддерживает, когда ты обречен как Сократ на остракизм, когда ты осмеливаешься один выйти и сказать: «я иду этой дорогой и это мой путь, и я буду на нем стоять». Гражданский героизм – тихий героизм, это героизм поразительного бесстрашия. И в этом смысле разведение военного и гражданского героизма, которое предлагает Петр Яковлевич, приоткрывает мотивационную основу развития личности в разных социальных ситуациях, прямо вписывая мотивацию личности в культуру.

Поэтому по своим примерам Петр Яковлевич был, есть и будет культурно-историческим психологом. Он всегда извлекал примеры из культуры, всегда опирался на живую ткань истории. И в этом смысле, когда кто-то говорит, что Петр Яковлевич Гальперин выпадает из культурно-исторической научной школы Л.С. Выготского, это вызывает у меня гальперинскую иронию. Никогда, ни при каких условиях, ни по истории жизни, ни по истории мысли, ни по стилю движения науки, он не выпадает из этой школы. П.Я. Гальперин создал культурно-историческую концепцию порождения психики в нестандартных ситуациях. И эта концепция во многом является серьезнейшим шагом на пути понимания эволюции психического развития.

Александр Григорьевич, Вы уже говорили об ограничениях, которые ставил себе Петр Яковлевич, пытаясь дать объяснения психологическим механизмам развития. А не могли бы Вы представить свою точку зрения на дальнейшую судьбу концепции П.Я. Гальперина?

Продолжая логику работ А.Н. Леонтьева, Д.Б. Эльконина, П.Я. Гальперина я делаю акцент на системно-деятельностном подходе как варианте современного культурно-деятельностного осмысления реальности. В этом контексте мы выделяем несколько планов анализа – мотивационно-смысловой план анализа как методология понимания явления; целевой план анализа как план нашего эвристического инструмента при работе с разной реальностью; операционально-технологический план и ресурсный планы анализа при рабо-

те с реальностью. Сделанное Петром Яковлевичем, прежде всего, помогает дальнейшим разработкам операционально-технологического аспекта системно-деятельностного подхода к проектированию образования как социокультурной практике развития и личности, и общества. И, когда мы прикасаемся к его идеям, они, в отличие от многих достаточно общих идей культурно-деятельностной школы, невероятно операционалистичны. Петр Яковлевич выступает как гениальный коммуникатор, и его идеи приобретают особое значение, когда мы общаемся с педагогами. Логика операционально-технологического анализа оказывается куда более понятна для педагогов, чем связанные с ним, но живущие в несколько ином слое мышления, общие представления культурно-деятельностного подхода. И в этом смысле я бы сказал, что концепция П.Я. Гальперина является практическим интеллектом современного образования. Практический интеллект нужен каждому учителю, каждому воспитателю. И то, что делает Гальперин, вооружая и давая в руки педагогам арсенал мыслительных орудий, который можно в буквальном смысле прочувствовать, пощупать, увидеть его результаты на практике, – это бесценно. Иными словами, практический интеллект образования, предложенный П.Я. Гальпериним в широком смысле, благодаря своему подходу – это блистательная операционализация идей всей школы Л.С. Выготского. И в этом направлении я вижу дальнейшее развитие идей Петра Яковлевича. Не случайно, когда мы вводили новые стандарты общего образования в школах России, то при общении со многими дидактами осознавали, что они лучше понимают нас, когда мы с позиции теории А.Н. Леонтьева и даже Д.Б. Эльконина помогали им увидеть, как это операционально воплощается в предметных областях знания, благодаря работам Петра Яковлевича Гальперина, его психолого-педагогической системе поэтапного порождения умственных действий и понятий.

*Беседовала профессор
О.А. Карбанова*